

Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи.

Вредлагаю свои отрывочныя воспоминанія изъ 2-хъ поѣздокъ въ Текинскій оазисъ и сосѣднія части Персіи. Я ѣздилъ туда 2 лѣта подрядъ, въ 1881 и 1882 годахъ. Ручаюсь за правду, но не могу поручиться за интересъ этихъ воспоминаній; многія подробности стоятъ передо мной какъ живыя, случившіяся какъ будто бы совсѣмъ недавно, на другихъ поблекли краски, а можетъ быть, онѣ даже немного искажены памятью, третьи же вовсе утрачены; въ особенности ошибки возможны въ названіяхъ именъ.

1881-й годъ.

Въ серединѣ мая я пріѣхалъ въ Асхабадъ.

Покорителя Ахаль-Теке генерала Скобелева уже не было, и я засталъ новаго командующаго войсками генерала Рерберга.

Переѣздъ изъ Тифлиса, гдѣ я находился на службѣ, въ Асхабадъ (куда я былъ командированъ), занялъ болѣе полумѣсяца. Трактъ черезъ Елизаветополь, Мингичауръ съ тучами комаровъ, рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай, станцію Карамарьянъ, населенную русскими, памятную мнѣ своимъ роскошнымъ, цвѣтнымъ лугомъ, покрытымъ желтыми тюльпанами и красными маками, далѣ живописную Шемаху съ своими цвѣтущими садами и, наконецъ, Баку, требовалъ на переѣздъ по меньшей мѣрѣ около недѣли времени, и безъ увѣренности, что путешествіе совершится благополучно, такъ какъ переправы въ бродъ черезъ горныя рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай были иногда не вполнѣ безопасны. Баку представился

въ непривлекательномъ видѣ—сѣрый, песочный, палимый солнцемъ, безъ клочка зелени, съ улицами политыми нефтью.

Таковъ былъ старый трактъ Тифлисъ—Баку, но уже въ слѣдующемъ году началась постройка линіи желѣзной дороги, и трактъ этотъ сдѣлался достояніемъ прошлаго, а мнѣ было жаль его, несмотря даже на всѣ невзгоды, какими часто надѣлялъ онъ меня (я говорю не въ частности только объ этомъ трактѣ); но не стало его, а мнѣ кажется, что мою свободу умалили,—раньше я самъ располагалъ своей поѣздкой, а теперь меня везутъ; жизнь какъ бы сдѣлала лишній шагъ въ направленіи къ социальнымъ порядкамъ будущаго, а мнѣ жаль прошлаго, жаль его, какъ стараго друга.

На одной изъ станцій я встрѣтился съ полковникомъ А. командиромъ одного изъ казачьихъ полковъ, онъ ѣхалъ въ Тифлисъ изъ Асхабада. Видъ у полковника былъ необыкновенно внушительный—я себя представлялъ именно такимъ Тараса Бульбу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться и не особенно дружелюбно. Въ ближайшіе дни изъ Баку въ Красноводскъ отходилъ пароходъ общества Кавказъ и Меркурій; переѣздъ былъ короткій, насколько помню, меньше сутокъ, но былъ тяжелый съ несносной качкой. Красноводскъ расположенъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря у бухты съ довольно длинной дамбой. Двухъ, а можетъ быть и 3-хъ-этажный домъ, построенный тутъ же на берегу со всѣми затѣями и стоившій, вѣроятно, не малыхъ денегъ, служилъ квартирою начальника Красноводскаго приставства; въ этомъ домѣ и я нашель пріютъ; были, можетъ быть, еще домики кромѣ этого, но память сохранила только сакли съ плоскими крышами, лавченки и жильѣ армянъ-торговцевъ; не вдалекѣ была выведена каменная оборонительная стѣнка, а дальше голыя горы и пустыня съ 3-хъ сторонъ, а съ 4-й море. Нигдѣ ни одного дерева. Дѣлались попытки развести здѣсь растительность—привозились посадки и земля изъ Ленкорани, но эти начинанія постигла полная неудача. Отъ Красноводска предстоялъ небольшой переѣздъ на маленькомъ пароходѣ до поста „Михайловскій заливъ“—начальной станціи Закаспійской желѣзной дороги. (Въ настоящее время желѣзная линія идетъ прямо отъ Красноводска). Первоначально желѣзной дорогѣ была поставлена ближайшая цѣль—побороть на пути пески и большой, безводный солончакъ у Бала-Ишема и Акча-куйма. Сбиться съ дороги на старомъ трактѣ было нельзя—онъ былъ рѣзко обозначенъ скелетами верблюдовъ. Было убѣжденіе и не у однихъ, кажется, солдатъ, что верблюда можно навьючивать сверхъ всякой мѣры и что тѣмъ особенно пригоденъ, что его можно почти не кормить, да и воды онъ не требуетъ, но горькій опытъ показалъ,

что навьючивать его болѣе какъ 8-ю пудами не слѣдуетъ, а кормъ и вода ему одинаково нужны. Верблюды идутъ и несутъ тяжесть до изнеможенія, и если послѣ ночлега утромъ онъ не поднимется, то это значитъ, что силъ у него нѣтъ болѣе, и онъ погибнетъ; нѣкоторые бессмысленные варвары изъ солдатъ вожаковъ (какъ мнѣ говорили) подкладывали горячіе угли къ бокамъ верблюда, чтобы побудить его встать и идти, но онъ только жалобно мычалъ и все-таки не поднимался. Вода на линію доставлялась повъздами изъ Михайловскаго залива, гдѣ работало два опрѣснителя (эта вода конечно удовлетворяла потребность, но она была совершенно безвкусною). Въ Михайловскомъ заливѣ и далѣе по линіи можно было встрѣтить совершенно новенькіе бревенчатые дома; построены они были въ Астрахани и доставлены сюда въ разобранномъ видѣ съ нумерованными бревнами. Дорога только что строилась и, когда я проѣзжалъ въ маѣ, была доведена до Казанжика, а къ осени дошла до Кизиль-Арвата. Дальнѣйшее передвиженіе отъ конца укладки до Асхабада совершалось на перемѣнныхъ казенныхъ лошадяхъ, имѣвшихся на станціяхъ Бами, Бесурма, Арчманъ, Дурунъ, Геокъ-тепе, Безменъ и Асхабадъ. Дорога мѣстами была необыкновенно плохая, именно тамъ, гдѣ лежалъ сплошной камень круглякъ, вынесенный сюда съ горъ дождевыми потоками. Оазисъ собственно начинался отъ Кизиль-Арвата (первая приточная и обильная вода) и тянулся неширокою полосой на юго-востокъ. Слева не вдалекѣ залегли пески Кара-Кумъ, а справа тянулась цѣпь горъ Копеть-дага.

12-го января пало Геокъ-тепе, и теперь здѣсь, спустя всего какихъ-нибудь 4 мѣсяца, чувствовалась полнѣйшая безопасность—можно было ѣхать и ночью. Подъѣзжая ближе къ Геокъ-тепе, приходилось часто встрѣчать на станціяхъ дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ, никому не принадлежавшихъ—у нихъ не было ни отца, ни матери, ни старшихъ братьевъ—все это было перебито гранатами или погибло при штурмѣ и преслѣдованіи. Вообще разгромъ Геокъ-тепе былъ полный, и туркменамъ не оставалось ничего другого, какъ подчиниться, что они сдѣлали, не тая мысли о возмедіи.

Я позволю себѣ далѣе привести нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и небольшую историческую справку.

Позднѣе, въ сентябрѣ я провелъ ночь въ Геокъ-тепе, на холмѣ Денгиль-тепе, и трупный запахъ чувствовался очень сильно,—кругомъ въ ямахъ были зарыты тѣла убитыхъ и, вѣроятно, недостаточно глубоко, хотя ямы были залиты известкой. Разгромленная крѣпость была совершенно пустыня, и лишь вблизи Денгиль-

тепе я встрѣтилъ какое-то сомнительное жилье персіанина-огородника; огородъ его былъ тутъ же и, кажется, вполне удался.

Взятіе Геокъ-тепе сопровождалось грабежемъ ковровъ, серебра, оружія, коней. Въ большинствѣ все это за безцѣнокъ перешло въ руки армянъ-скупщиковъ, попользовались и офицеры—громадный коверъ, цѣна которому была сотня рублей и больше, продавался за 3, за 5 рублей. Солдату все равно нельзя было взять ковра съ собой, и онъ отдавалъ его за то, что ему предлагали; говорили, что полковникъ А. приобрѣлъ такое количество этихъ чудныхъ ковровъ, что впоследствии для вывоза ихъ въ Тифлисъ ему понадобились 12 молоканскихъ (парныхъ) фургоновъ, и я думаю, что это, можетъ быть, и близко къ истинѣ.

Геокъ-тепинское пораженіе было возмездіемъ за неудачу 1879 года, когда управленіе генераловъ Ломакина, Борха и кн. Долгорукова потерпѣло крупную неудачу подъ тѣми же стѣнами Геокъ-тепе.

Худая и хорошая слава (разумѣется, прикрашенная) быстро распространяется на Востокъ, въ особенности, если поражено воображеніе, и генераль Скобелевъ сдѣлалъ все для того: при началѣ штурма взорвалась большая мина, затѣмъ начался рѣшительный штурмъ съ трехъ сторонъ и жестокое преслѣдованіе бѣгущихъ кавалеріей и конной артиллеріей въ теченіе цѣлаго дня, и въ результатъ павшій оплотъ съ 15 т. убитыхъ и то настроеніе, которое привело къ покорности Мервѣ спустя 3 года. Несомнѣнно, что впечатлѣніе было усилено и допущеннымъ грабежомъ. Приемъ былъ жестокъ, онъ привелъ къ обогащенію одного, другого десятка хищниковъ, но онъ угнетающе подѣйствовалъ на психику туркменъ и способствовалъ прочности настроенія.

Я бесѣдовалъ съ Буджнурскимъ ханомъ какъ-то и на мой вопросъ: могутъ ли туркмены возстать противъ насъ, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, не могутъ, они теперь будутъ вашими вѣрными слугами“. Позднѣе при Кушкѣ они доказали, что они дѣйствительно сдѣлались вѣрными слугами Россіи. Въ томъ бою погибъ мой знакомый туркменъ изъ рода Алиели изъ селенія Каахка Саидъ-Назаръ Юзъ-баши—мужчина колоссальнаго роста, пользовавшійся среди своихъ большимъ уваженіемъ. Онъ умеръ героемъ.

Жизнь туркменъ была построена на родовомъ началѣ. Текинцы дѣлились на 2 главныхъ рода—Тохтамышей и Утамышей, изъ которыхъ каждый подраздѣлялся на посредствующія группы. Власть, скорѣе представительство, находилась въ рукахъ наследственныхъ хановъ—у Мервскихъ текинцевъ, у Тохтамышей главою былъ Кара-Кули-ханъ, а у Утамышей—Сары-Сердаръ. Занимались отчасти земле-

дѣліемъ, разведеніемъ овецъ, верблюдовъ, тканьемъ ковровъ (женщины), а преимущественно разбоями. Каждое персидское селеніе, обыкновенно слабо защищенное, останавливало на себѣ жадное вниманіе туркменъ. Въ защиту отъ нихъ персидская деревня представляла всегда крѣпостцу (калу) въ формѣ квадрата съ глинобитными стѣнами, имѣлись одни ворота, которыя вечеромъ запирались на ночь и держался караулъ. Нападенія туркменъ совершались большею частью подъ утро; значительная партія ихъ подъ начальствомъ сардара внезапно появлялась, приставляла привезенныя лѣстницы и врывалась въ калу. Жители, способные къ работѣ, уводились въ плѣнъ, старики и дѣти избивались, а все цѣнное имущество увозилось. На базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ цѣна раба-перса доходила до 100 руб. и сбытъ имъ здѣсь былъ всегда надежный, а также и женщинамъ. При взятіи Хивы русскими въ 1873 году было освобождено до 60 т. рабовъ персіянъ и всѣ они были возвращены на родину. Жизнь сосѣднихъ персіянъ (въ Хоросанѣ живутъ собственно переселенные курды) протекала подъ вѣчнымъ страхомъ смерти, плѣна и всяческаго насилія; на пашняхъ тамъ и сямъ встрѣчались небольшія глиняныя защиты, гдѣ прятался вооруженный пахарь въ случаѣ внезапнаго нападенія днемъ во время работы; укрывшись туда и заваливъ изнутри низенькое входное отверстіе заранѣе приготовленнымъ камнемъ, онъ встрѣчаетъ нападеніе.

Персидское правительство, не располагавшее организованными военными силами, на своей окраинѣ, съ трудомъ защищалось отъ нападеній туркменъ; я встрѣтилъ по р. Кешефъ-руду по дорогѣ въ Мешхедъ длинную полосу разграбленныхъ и брошенныхъ селеній, хотя впереди находилась цѣлая оборонительная линія по Гери-руду съ крѣпостью Серахсомъ и фортами Доулетъ-абадъ, Наурузъ-абадъ и далѣе Зурабадъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія персіяне собрали значительныя силы и двинулись отъ Серакса къ Мерву, чтобы покорить туркменъ, но экспедиція потерпѣла полную неудачу: персидское войско было разбито, орудія отняты, обширный обозъ разграбленъ, а несчастные сарбазы частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Послѣдующій промежутокъ времени въ 20 лѣтъ (съ момента пораженія персіянъ) по 1881 годъ туркмены безраздѣльно владычествовали на всемъ сѣверо-востокѣ Персіи. Паденіе Хивы было первымъ предупрежденіемъ для нихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ плѣнъ къ туркменамъ попадали и русскіе; такъ въ 1881 году въ Мервѣ находился фейерверкеръ Кидяевъ, захваченный въ Туркестанѣ. Онъ жилъ на волѣ и пользовался любовью и довѣріемъ и занимался

врачеваніемъ. Мервцы требовали съ генерала Рерберга большой выкупъ за освобожденіе Кидяева, а ген. Рербергъ предложилъ имъ очень скромную сумму, полагая, что уплата большихъ денегъ подала бы только поводъ къ нападеніямъ для захвата плѣнныхъ; я впоследствии слышалъ, что Кидяевъ вскорѣ же былъ возвращенъ безъ всякаго вознагражденія.

Не часто, но все-таки попадали и туркмены въ плѣнъ къ персіанамъ и несли тогда по-истинѣ горькую участь. Въ Буджнурдѣ на перекресткѣ 2-хъ улицъ я видѣлъ сидящаго въ клѣткѣ туркмена Гоклана; большія желѣзные цѣпи шли отъ желѣзнаго ошейника на немъ къ рукамъ и ногамъ; онъ былъ почти голый съ всклокоченными волосами и ѣлъ то, что ему бросали. Другого, туркмена-Сарыка, я встрѣтилъ въ Серахсѣ, работъ у коменданта (сартипа). Тоже въ цѣпяхъ, онъ въ жаркую пору дня брызгалъ лопатою изъ канавы воду на траву, которою была закрыта задняя сторона глинянаго открытаго навѣса, въ которомъ мы сидѣли; вслѣдствіе жары и сухого воздуха, вода немедленно испарялась и температура подъ навѣсомъ сильно понижалась, такъ что въ знойный августовскій полдень, подъ широтою 36° здѣсь чувствовалась живительная прохлада; но видъ этого полуизмученнаго человѣка заставилъ меня обратиться съ просьбой прекратить его работу и увести отсюда.

Побѣда подъ Геокъ-тепе кореннымъ образомъ измѣнила складъ жизни въ оазисѣ. Воинъ-туркмень обратился въ землепашца и въ скотовода (въ пескахъ особенно хороши условія разведенія овецъ), а бывшая слава его подвиговъ сдѣлалась преданіемъ и сюжетомъ пѣсни; вздохнулъ и сосѣдъ персіанинъ, переставъ трепетать за свою жизнь и за жизнь своихъ близкихъ; вѣроятно на его нивахъ уже не встрѣчаются болѣе старыя конусообразныя глиняныя защиты для укрытія; онѣ сдѣлались ненужными, и ближайшее время уничтожило ихъ.

Въ началѣ августа я шелъ по Атеку, направляясь въ Серахсѣ; со мной шелъ небольшой грузъ инструментовъ на мулахъ, конвой изъ 10 человѣкъ казаковъ, переводчикъ и нѣсколько туркменъ. Караванъ тянулся гуськомъ съ небольшими промежутками. Направо, по направленію къ горамъ, въ разстояніи можетъ быть версты отъ дороги или менѣе, нѣсколько человѣкъ пахало землю; въ моментъ, когда мы подошли къ нимъ поближе, они съ крикомъ бросились по направленію къ намъ, подбѣжали сначала къ передовому казаку, потомъ къ слѣдующему, потомъ ко мнѣ, снова къ казаку и пр., всѣмъ намъ пожимали руки, оживленно и весело говорили что-то и нѣкоторые показывали на свою шею; переводчикъ передалъ такъ: „они говорятъ, что были рабами въ Хивѣ, что сидѣли въ желѣз-

ныхъ ошейникахъ тамъ, что русскіе ихъ освободили, и что они очень благодарны русскимъ“. Сцена была трогательная, — въ лицѣ нашемъ они приносили благодарность всѣмъ русскимъ.

Въ Асхабадѣ я не долго оставался по пріѣздѣ. Нужно было обратиться къ предстоявшимъ поѣздкамъ по Персіи. Цѣль поѣздки—опредѣленіе географическихъ координатъ различныхъ точекъ, т. е. широтъ и долготъ ихъ, для исправленія карты сѣверо-восточной Персіи. Широты опредѣлялись измѣреніемъ зенитныхъ разстояній Polaris и другой южной звѣзды на той же высотѣ; а разности долготъ перевозкою 6 столовыхъ хронометровъ и опредѣленіями времени по одной или по 2 парамъ соотвѣтственно выбранныхъ звѣздъ на востокъ и на западъ (тоже измѣреніемъ зенитныхъ разстояній). Дѣло это облегчалось тѣмъ, что какъ въ оазисѣ, такъ и въ соседней Персіи всѣ дни и ночи были сплошь безоблачны, и это продолжалось май, іюнь, іюль, августъ и часть сентября (страна лѣтняго бездождія) и лишь въ концѣ сентября начали появляться облака и мѣшали наблюденіямъ, а ночи сдѣлались достаточно холодными.

Сборы были непродолжительные—пріобрѣтеніе вьючныхъ животныхъ и сѣделъ не представило труда, такъ какъ въ это время нѣкоторыя учрежденія расформировывались, и имущество ихъ продавалось. Не безъ нѣкотораго тренія получилъ я отъ полковника А—аго назначенныхъ штабомъ мнѣ казаковъ; отъ него же я долженъ былъ получить и кормовыя для нихъ и фуражныя для ихъ лошадей, въ общемъ деньги довольно значительныя, вслѣдствіе поднятыхъ цѣнъ военнаго времени. Я къ нему зашелъ самъ, чтобы скорѣе подвинуть это дѣло, но оказывается, по словамъ полковника, что оно далеко не такъ просто, какъ мнѣ казалось, и что ему требуются какія-то справки и пр. Короче, онъ не даетъ мнѣ ни казаковъ, ни денегъ. Ничего не оставалось какъ уйти; уходя, я сказалъ ему, что пойду сейчасъ къ генералу Рербергу, доложу и попрошу его помощи. Не успѣлъ я сдѣлать десятка шаговъ, какъ я слышу: „Капитанъ, вернитесь, что вы такъ горячитесь? Это можно устроить“, и дѣйствительно черезъ какіе-нибудь $\frac{1}{2}$ часа я получилъ и казаковъ и деньги на нихъ. Просто, человекъ хотѣлъ поломаться и показать свою мнимую власть. Деньги казакамъ я выдавалъ на руки впередъ на мѣсяцъ, и они сами довольствовались и кормили своихъ лошадей; при дешевизнѣ въ Персіи и при высокихъ окладахъ кормовыхъ и фуражныхъ, у нихъ у cadaго, за 5 мѣсяцевъ поѣздки, получились крупныя сбереженія—до 200 р. и болѣе; особенно былъ дешевъ и хорошъ фуражъ—ячмень и сѣно изъ люцерны (сѣянной травы съ синенькими цвѣточками), но, несмотря на всю эту деше-

визну, казаки, какъ потомъ оказалось, не пренебрегали добывать сѣно еще болѣе дешевое, т. е. попросту воровать, но дѣлали это такъ искусно, что до меня не дошло ни одной жалобы.

Жара въ Асхабадѣ стояла большая, въ моей войлочной палаткѣ юламейкѣ (домовъ тогда не было тамъ) Реомюръ показывалъ 32,5°—стеариновая свѣча обтекала; воздухъ былъ удушливъ и неподвиженъ, и тучами носились назойливыя мухи; въ одежду и на кровать забирались иногда скорпионы—отвратительныя твари, воскового цвѣта, похожія на рака съ колѣнчатымъ хвостомъ; укусъ ихъ впрочемъ слабо ядовитъ (они тѣмъ болѣе ядовиты, чѣмъ жарче мѣсто, напр. въ Мурзукѣ, въ Африкѣ укушеніе ихъ смертельно), а по ночамъ по верху юламейки прыгали фаланги, уничтожавшія мухъ; въ довершеніе всего не разъ приползали въ юламейку небольшія земляныя черепахи, исчезавшія потомъ куда-то.

Скоро я выѣхалъ.

Первая поѣздка моя была въ Мамудъ-абадъ, центръ провинціи Дерегезъ съ владѣтелемъ Алаярь-ханомъ. Кстатіи сказать, колесныхъ дорогъ въ Персіи совершенно не было тогда, передвигаться нужно было верхомъ, а вещи перевозить вьюкомъ. Большая часть дня уходила на самый переѣздъ, въ среднемъ верстъ 35; въ серединѣ пути дѣлался привалъ съ кормомъ лошадей, а часа за 2 до захода солнца приходили на ночлегъ; сейчасъ же ставился инструментъ, и шли приготовленія къ ночнымъ наблюденіямъ, которыя продолжались часа 3—4, на слѣдующій день то же самое и такъ нѣсколько дней подъ рядъ, а затѣмъ нѣсколько дней отдыха и людямъ и лошадямъ. Была полная свобода передвиженій и наблюденій, безъ какихъ бы то ни было помѣхъ, короче—какъ у себя дома.

Алаярь-ханъ, человекъ уже пожилой, тщедушный, говорятъ, жестокій, принялъ меня очень любезно; мнѣ отвели его загородный домъ въ саду, съ очень красивымъ мѣстоположеніемъ. На другой день я свидѣлся съ Алаярь-ханомъ въ оффиціальной встрѣчѣ, въ присутствіи его приближенныхъ; онъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ о неудобствахъ пути, спросилъ, наконецъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь? Я ему отвѣтилъ, что у меня есть все, что мнѣ нужно, что на всѣ расходы я получаю деньги отъ Государя; это его удовлетворило; какъ-то онъ присутствовалъ при моихъ вечернихъ наблюденіяхъ и счелъ поэтому своимъ долгомъ прислать мнѣ на другой день стеариновыхъ свѣчей, кажется, 2 ф., но я поблагодарилъ и отклонилъ подарокъ.

Самый Мамудъ-абадъ, обнесенный глиняной стѣной, имѣлъ очень непривлекательный видъ—сѣрые однообразные заборы, окружавшіе

жилые, выходила на пыльные, узкія улицы, кажется, ни одного дерева въ городѣ и много нищихъ, самаго отвратительнаго вида.

Отсюда я поѣхалъ въ Кучанъ, слѣдующее сосѣднее ханство, самое богатое; это владѣнія Сюджа-доуле, полуразрушеннаго старика, ежедневно къ вечеру напивавшагося виномъ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ подъ Геокъ-тепе, онъ вскорѣ явился съ поздравленіями и подарками; Скобелева уже не было — онъ былъ далеко впереди, а его принялъ бравый полковникъ А—ій; рассказывали, что, отдаривая въ свою очередь, онъ подарилъ Сюджа-доуле вещь, самую для него дорогую (по его словамъ)—башлыкъ или что-то въ этомъ родѣ, вышитый руками его покойной жены или любимой дочери—лучшаго онъ ничего не имѣлъ и потому рѣшилъ разстаться даже съ этой вещью, драгоценною по трогательнымъ воспоминаніямъ прошлаго. Не знаю, въ какой мѣрѣ оцѣнилъ Сюджа-доуле самопожертвованіе полковника и его подарокъ—эмблему; но ничего нѣтъ невѣроятнаго, что онъ былъ тронутъ, принимая даже и этотъ подарокъ изъ рукъ побѣдителя; ореолъ славы Скобелева и его доблестныхъ войскъ лежалъ на всемъ окружающемъ, не исключая и полковника.

Въ Кучанѣ я помѣстился въ абрикосовомъ саду хана, гдѣ для меня разбили прекрасную палатку. Вечеромъ явился Сюджа-доуле и затѣялъ большое торжество; казаки пѣли по его просьбѣ и онъ велѣлъ дать каждому изъ пѣвцовъ по золотой монетѣ; вечеръ заключился тѣмъ, что хана подняли, поставили на ноги и повели къ себѣ, поддерживая за обѣ руки. На другой день я двинулся на Буджнурдъ черезъ маленькій городокъ Ширванъ, принадлежавшій тоже Сюджа-доуле; здѣсь я испыталъ небольшое землетрясеніе; впоследствии, лѣтъ 10 спустя страшное землетрясеніе постигло самый Кучанъ—городъ былъ разрушенъ съ большими жертвами.

Кучанъ и Буджнурдъ принадлежатъ къ области верхняго Атрека, рѣки, впадающей послѣ длиннаго пути въ юго-восточную часть Каспійскаго моря. По нижнему и среднему теченію Атрека, отъ Чакишляра на Каспійскомъ морѣ, пролегала первоначальная наша коммуникаціонная линія въ оазисъ.

Обѣ провинціи чрезвычайно плодородны; сплошныя нивы дозрѣвавшаго хлѣба, во всю ширину долины, встрѣчалъ я при переѣздахъ; это дало возможность Скобелеву организовать здѣсь закупку необходимаго продовольствія для дѣйствовавшихъ войскъ (главнымъ образомъ зерна), и съ этой стороны надежно обезпечить успѣхъ дѣла. Замѣчу, что картофель тутъ былъ почти неизвѣстенъ.

Буджнурдскій ханъ, имени котораго не помню, производилъ

впечатлѣніе болѣе цивилизованнаго человѣка; въ рукахъ его я видѣлъ однажды глобусъ, и онъ мнѣ показалъ, приблизительно вѣрно, мѣсто его Буджнурда (глобусъ онъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то заѣзжаго англичанина). Мнѣ онъ задалъ такой вопросъ: „Что вы за люди такіе, что убили своего Государя“?—Я ему сказалъ, что среди сотни милліоновъ русскихъ нашлась ничтожная шайка негодяевъ—изувѣровъ, которая и совершила это кровавое, позорное дѣло; но что конечно косвенно и на насъ на всѣхъ легла мрачная тѣнь этого ужаснаго преступленія, и отъ этого чувства нельзя отдѣлаться!—большинство убійцъ были русскіе, а мы всѣ не сумѣли предотвратить злодѣянія (не даромъ же вотъ и ханъ началъ словами: „Что вы за люди...“). Память злодѣевъ для насъ презрѣнна, и народъ уничтожилъ бы ихъ, если бы ихъ отдали на его судъ. Переводчикъ мой, молодой армянинъ съ Кавказа, былъ человѣкъ порядочный самъ по себѣ, но плохо говорившій по-русски и вообще невѣжественный, возможно, что и по-туркменски (турецки) онъ говорилъ не лучше, и всѣ объясненія съ ханами были крайне затруднительны въ случаяхъ, когда рѣчь шла о понятіяхъ общихъ, отвлеченныхъ, выходявшихъ изъ ряда обыденности; приходилось ему втолковывать, и все-таки онъ перевиралъ меня, вѣроятно, такъ же какъ передавалъ невѣрно смыслъ фразъ хана; но даже и при вѣрной передачѣ, во всякомъ случаѣ, духъ живой фразы пропадалъ, а оставался только ея скелетъ, воспринятый человѣкомъ, не привыкшимъ разбираться въ разныхъ отвлеченныхъ тонкостяхъ. Объясняясь черезъ переводчика, приходилось понижаться до уровня его пониманія. Въ Буджнурдѣ я встрѣтился съ учителемъ дѣтей хана, выходцемъ изъ Египта; отсюда онъ вынесъ слабое знаніе французскаго языка съ ужаснѣйшимъ выговоромъ, онъ произноситъ, напр., *an ra* вмѣсто *un peu* (немного); вообще надо было очень внимательно прислушиваться, чтобы уловить смыслъ его фразы, а къ этому же и самъ я былъ не силенъ во французской рѣчи и разговаривать намъ къ несчастію почти не пришлось. Онъ обучалъ дѣтей хана въ числѣ разныхъ предметовъ и французскому языку и получалъ ничтожное вознагражденіе. Кстати замѣчу, что знаніе французскаго языка среди персидскихъ властей не исключительная рѣдкость; знаніе же другихъ европейскихъ языковъ отсутствуетъ совершенно.

Поѣздка въ Серахсъ.

Возвращаясь изъ Буджнурда въ Мамудъ-абадъ, я узналъ, что у генерала Рерберга въ Асхабадѣ находится депутація независимыхъ

тедженскихъ туркменъ, явившаяся съ покорностію и съ предложеніемъ подданства власти Россіи. Я рѣшилъ воспользоваться этою депутаціей, какъ охраной, для своей поѣздки въ Серахсъ. Путь пролегалъ по Атреку, гдѣ не ступала нога европейца (думаю, что не ошибаюсь въ этомъ); рѣдкія поселенія туркменъ по дорогѣ были враждебны, а все пространство находилось во власти разбойничьихъ мервскихъ шаекъ. Депутація была малочисленна и матеріально конечно не могла меня особенно усилить, но, своимъ присутствіемъ, въ составѣ конвоя, она давала мнѣ нравственную поддержку; это была своего рода страховка безопасности—за нашу неудачу отвѣтило бы все населеніе тедженскихъ туркменъ.

По пріѣздѣ въ Мамудъ-абадъ я немедленно отправилъ съ казакомъ донесеніе въ Асхабадъ къ генералу Рербергу съ просьбой поручить прибывшимъ туркменамъ проводить меня въ Серахсъ, а также прислать ко мнѣ офицера для производства глазомѣрной съемки пути.

Ждать мнѣ пришлось недолго—кажется, на третій день къ вечеру пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Мамудъ-абадъ офицеръ и говоритъ, что онъ командированъ генераломъ Рербергомъ сопутствовать мнѣ для производства съемки, что экспедиція туркменъ приказано меня сопровождать до Серахса, и что она уже выѣхала и завтра будетъ въ Лютфабадѣ, въ 20 верстахъ отъ Мамудъ-абада. Въ первый моментъ, когда я услышалъ все это, я былъ безконечно счастливъ и встрѣтилъ этого офицера какъ родного; картины предстоявшей поѣздки, полной приключеній, возникали въ моей головѣ; временами казалось, что это только мечта, но присутствіе рядомъ со мной посторонняго спокойнаго офицера убѣждало, что это дѣйствительность, и я снова чувствовалъ приливъ высокой радости.

Лютфабадъ лежитъ на кратчайшемъ пути въ Серахсъ, и мнѣ завтра предстояло тоже двинуться туда, чтобы, встрѣтившись съ туркменами, продолжать путь далѣе. Я отдалъ соотвѣтственныя распоряженія по своей маленькой казачьей командѣ и отправился произвести необходимыя начальныя наблюденія. По окончаніи ихъ нужно было лечь спать скорѣе, такъ какъ завтра предстоялъ ранній выходъ, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ и одна греза смѣняла другую.

Переѣздъ въ Лютфабадъ занялъ часовъ 5, и къ 11 часамъ я былъ на мѣстѣ, въ помѣщеніи сына Алаяръ-хана, посаженнаго отцомъ правителемъ Лютфабада. Туркмены были здѣсь. Это были: Ходжа-Кули-ханъ, невзрачный, тихій, пожилой человекъ и Овась-Сердаръ, тоже не молодой, но полный жизни, тучный, шумно-говорливый ве-

ликанъ; остальныхъ было человѣка 4, но это были лица второстепенныя, частью слуги; одного изъ этихъ послѣднихъ, Акъ-Мурата, я взялъ вскорѣ къ себѣ въ услуженіе за 30 р. въ мѣсяць въ качествѣ проводника.

У туркменъ оказались подарки генерала Рерберга, напр. халаты, часы и др. Овась-Сердаръ успѣлъ уже испортить часы и очень настойчиво просилъ меня, чтобы я ему ихъ поправилъ, но я былъ не въ силахъ сдѣлать это. Часы для него были забавной и отчасти цѣнной игрушкой, а сами по себѣ, какъ указатель времени, совершенно ему были не нужны. Солнце на небѣ и собственныя ощущенія достаточно точно указывали ему, что ему дѣлать—чувство голода призывало его къ ѣдѣ, и онъ тогда весь отдавался этому занятію, ѣлъ до отвала, а въ заключеніе говорилъ: „баста“. (Такимъ образомъ употребительное нынѣ слово забастовка туркмено-турецкаго корня); также онъ отдавался и сну; вообще никакихъ ограниченій, никакихъ рамокъ. Можетъ быть, несложныя хлопоты по хозяйству, изрѣдка болѣзнь, заботы о молодой женѣ приносили и ему тревоги, являясь небольшими темными пятнами на ясномъ фонѣ его безмятежнаго настроенія; но во всякомъ случаѣ пятна эти скоро исчезали, и стоялъ онъ снова здоровый, могучій съ видомъ полной удовлетворенности.

Я обратился къ нимъ съ привѣтомъ, сказалъ, что мужество и храбрость ихъ извѣстны всѣмъ и вызываютъ удивленіе, что я самъ, если бы не былъ русскимъ, хотѣлъ бы сдѣлаться туркменомъ и пр. Было рѣшено на слѣдующій день утромъ выѣхать, но они дали мнѣ замѣтить, что порученіе генерала Рерберга было для нихъ неожиданно и совершенно не отвѣчало ихъ желаніямъ. Этотъ разговоръ я не продолжалъ и предложилъ имъ чаю. Остатокъ дня мы провели отдѣльно, а вечеромъ я занялся наблюденіями въ Лютфабадѣ.

Первый день пути прошелъ, какъ проходили всѣ дни и раньше въ путешествіяхъ по Персіи, т. е. была сдѣлана сперва часть перехода (версть 15), затѣмъ остановились на 2-хъ часовой привалъ и наконецъ прошли остальную часть до мѣста ночлега и наблюденій. Я и казаки помѣстились въ tente-abri, а туркмены въ калѣ у своихъ пріятелей. Инструментъ стоялъ на мѣстѣ, и я выжидалъ сумерекъ, чтобы начать наблюденія. Подходить переводчикъ и заявляетъ, что пришелъ по порученію туркменъ передать мнѣ ихъ требованіе-ультиматумъ: ежедневно я долженъ выдавать на продовольствіе Ходжа-Кули-хану и Овась-Сердару каждому по 3 рубля, а если я откажусь это сдѣлать, то они меня покинутъ. Ничего не

оставалось, какъ согласиться. Они сдѣлали подсчетъ своихъ силъ и нашихъ и пришли къ выводу, благопріятному для себя, почему и предъявили такое требованіе, а я, уступивъ имъ, какъ бы тѣмъ призналъ, что оцѣнка силъ была сдѣлана ими правильно. Расходъ денегъ на удовлетвореніе ихъ требованія былъ въ сущности не великъ, не болѣе 50 р. за 8 дней пути, но форма требованія была обидно-безцеремонна. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, держался 2-мя смѣнными казаками строгій караулъ. Настало ясное утро, и мы тронулись въ путь. На привалѣ произошелъ инцидентъ довольно глупаго свойства и по моей винѣ, вслѣдствіе моей уступчивости. Приходитъ изъ калы большая толпа туркменъ, предводимая Сердаромъ, и требуетъ, чтобы я ихъ рассудилъ (случай какого-то довольно сложнаго воровства); я рѣшительно отказывался отъ роли судьи, говоря, что я занятъ совершенно другимъ дѣломъ, что у меня нѣтъ опыта, что у насъ другіе законы, но Сердаръ твердилъ свое и началъ опять угрожать—что не поѣдетъ со мной, если я не исполню ихъ просьбы, и я имѣлъ слабость уступить; и вотъ начинается сумбуръ безтолковаго судилища, а самъ я очутился вполнѣ беспомощнымъ; къ счастью все это кончилось ничѣмъ, и мы благополучно добрались до ночлега.

Вечеръ проходилъ обычнымъ порядкомъ, т. е. я наблюдалъ и въ свободныя минуты въ ожиданіи появленія той или другой нужной звѣзды, пилъ чай. Пилъ и Сердаръ въ калѣ свой гекъ-чай и надумалъ, что ему будетъ гораздо покойнѣе выступать съ ночлега не одновременно со мной, а позднѣе и догонять меня на привалѣ, пользуясь разностью нашихъ ходовъ—его быстрого прохода (скорѣе чѣмъ шагъ) и моего караваннаго шага; съ этимъ предложеніемъ явился переводчикъ. Хотя при новомъ порядкѣ движенія охрана временами прерывалась, но я не могъ не согласиться и не уступить. Переводчикъ такъ началъ: „Сердаръ говоритъ, что вы идете тихо, а конь его идетъ скоро, и ему тяжело съ вами идти и т. д. „Вся суть была, конечно, въ томъ, что Сердаръ, учитывая силы, считалъ господиномъ положенія самого себя и предъявлялъ одно требованіе за другимъ. Такъ на другой мы и вышли одни, а туркмены догнали насъ только на привалѣ. Цѣны на продукты и на фуражъ чувствительно поднялись въ пути, можетъ быть, въ два или три раза. Для меня это послужило опредѣленнымъ указаніемъ на недрожелюбное настроеніе придорожныхъ туркменъ и съ этой стороны меня потревожило. Казаки тоже насторожились—это было замѣтно и по ихъ строгому виду и по тишинѣ, царствовавшей на бивакѣ; трудно, конечно, сказать, что происходило въ это время въ казачьей душѣ, но я думаю, что матеріальная потеря (переплата

нѣсколькихъ рублей) сыграла тоже не послѣднюю роль въ ихъ самочувствіи. Молча, безъ шутокъ и смѣха поднялись и пошли дальше. Путь тотъ же—сплошная равнина и впереди и слѣва горизонтъ совершенно открытъ, а направо высокія горы Келата. Тонкой ниткой вытянулся караванъ и ступаетъ безмолвно; дѣлается по видимому все то же, что и раньше, но только съ какою-то оглядкой, чтобы не нарушить грустно-тяжелое чувство, овладѣвшее всѣми; я думаю, что таково бываетъ настроеніе похоронной процессіи.

Я крикнулъ, чтобы выѣхали пѣсельники впередъ и, кажется, предугадалъ тѣмъ общее желаніе, и громкая пѣсня огласила неподвижный воздухъ. Бодрящіе звуки стройнаго хора призывали къ единенію, къ взаимной выручкѣ, и маленькій отрядъ ожилъ и сдѣлался неузнаваемымъ. Пѣсня лилась почти безъ перерыва, и съ нею мы подошли къ мѣсту ночлега, къ большому селенію Душакъ, когда уже вечерѣло, и на верхушкахъ Келатскихъ горъ лежали слабо окрашенныя розовыя тѣни.

Высыпавшія кучки туркменъ окружили мѣсто нашего бивака четвертымъ кольцомъ зрителей, молчаливыхъ, упорно и недружелюбно смотрѣвшихъ. Такъ они сидѣли долго, пока совершенно не стемнѣло, а потомъ понемногу начали расходиться. Я тогда приступилъ къ наблюденіямъ; ночь прошла тихо, а утромъ вышли дальше. Дошли и до привала, напились чаю ¹⁾, накормили и напоили лошадей, а туркменъ все нѣтъ; я велѣлъ вьючить лошадей, чтобы идти дальше, какъ Акъ-Муратъ, вглядываясь вдаль въ едва замѣтныя точки на горизонтѣ, сказалъ: „вонъ ѣдетъ Сердаръ, его надо подождать, а то будетъ сердиться“. Часть каравана я все-таки отправилъ впередъ, а остался самъ, оставилъ мула съ принадлежностями для чая, переводчика и двухъ или трехъ казаковъ. Подѣзжаетъ Сердаръ съ видомъ страшно недовольнымъ; снимаетъ сапогъ и показываетъ мнѣ на ногѣ слабо стертое мѣсто, переводчикъ передаетъ: „Сердаръ говоритъ, что это все черезъ васъ, что онъ очень сердитъ“. „Пусть пьетъ чай“, сказалъ я. Онъ отказывается отъ чая, ругается еще. Я почувствовалъ, что именно теперь рѣшается вопросъ—попаду ли я въ Серахсъ, или нѣтъ. Я подхожу къ Сердару, зову переводчика и говорю такъ: „скажи ему, что онъ с...нъ сынъ“. Переводчикъ широко раскрылъ глаза и молчалъ. Я крикнулъ: „говори же“. Наконецъ сказано. Сердаръ быстро встаетъ и надѣваетъ сапогъ. „Говори ему теперь“,—продолжаю я,— „если онъ думаетъ, что я его боюсь, то пусть знаетъ, что жизнь

¹⁾ Въ жару въ походѣ чай драгоцѣнное, не замѣнимое средство утолить жажду и подкрѣпить силы.

миѣ не дорога, и вспомнить, что у насъ есть 10 берданокъ и на каждую берданку ляжетъ 10 негодяевъ“. Передано. Тонъ моего голоса—рѣзкій, повелительный и слова, не оставлявшія сомнѣнiя, произвели волшебное дѣйствiе. Сердаръ, забывъ про боль въ ногѣ, бросился къ моей лошади и, держа стремя, сказалъ: „садись, баяръ, я твой слуга“.

Это былъ дѣйствительно счастливый моментъ, въ который и рѣшилась судьба поѣздки. Всѣ поняли и я, и Сердаръ, казаки и туркмены, что съ этого мгновенiя господиномъ положенiя сдѣлался я, а туркмены съ Сердаромъ—покорными нашими слугами. Выигрываетъ тотъ, кто стоитъ за себя до послѣдняго. Я предложилъ Сердару все-таки выпить чаю, но онъ отказался, и мы тронулись. Казаки шли съ лѣснею, и смѣлое настроенiе неизмѣнно царило въ маленькой командѣ.

Сердаръ и нѣсколько туркменъ отдѣлились отъ насъ и взяли вправо, ближе къ горамъ.

Немного позднѣе Акъ-Муратъ обратилъ мое вниманiе на нихъ, „фазановъ ловятъ“,—сказалъ Акъ-Муратъ. Мы увидѣли, что туркмены неслись карьеромъ, затѣмъ остановились, слѣзли съ лошадей, помѣшкали, снова сѣли и поѣхали въ нашу сторону.

Дѣло же происходило у нихъ такъ: они подняли фазановъ и понеслись за ними, отставая отъ нихъ сначала; но фазаны летятъ недолго и скоро опускаются, а въ это время подскакиваютъ туркмены; фазаны поднялись снова, и погоня продолжалась; перелеты усталыхъ фазановъ дѣлались все короче и короче и, наконецъ, обезсиленные, они были уже не въ состоянiи больше летѣть и ихъ взяли живыми прямо руками. Сердаръ миѣ вручилъ собственно-ручно 2-хъ живыхъ фазановъ.

Ночлегъ былъ въ Меана, гдѣ мы расположились совершенно спокойно; ночью наблюдалъ. На другой день былъ сдѣланъ небольшой переходъ въ Чаача, куда мы пришли, вѣроятно, до 12-ти часовъ. Отсюда до Серахса оставался только одинъ переходъ, верстъ въ 60, безводный. Ночью наблюдалъ; блестящiя, мѣдныя части инструмента привлекали вниманiе туркменъ, они думали, что это золото—я часто слышалъ произносимое ими слово „Кизылъ“, что значитъ золото и красный. Утромъ запаслись водою и вышли—переходъ нужно было сдѣлать въ одинъ день. На привалѣ сварили чай, а остатокъ воды отдали лошадямъ, каждой пришлось по кастрюль средней величины, и вышли, чтобы сдѣлать послѣднiй полупереходъ.

Тяжело было идти—устали и люди и лошади. Насталъ вечеръ, вечеръ смѣнился ночью, а мы все шли. Ночь была темная, хотя

небо было безоблачное, какъ всегда. Сердаръ указалъ рукою направление на Серахсъ, а опредѣлилъ по Полярной на глазъ азимуть этого направленія—Ю.-З-ый градусовъ 30°. Я самъ повелъ партію, оглядываясь временами назадъ на Полярную, а Сердаръ отказался вести, сказавъ, что онъ не былъ здѣсь лѣтъ 15 и можетъ заблудиться. Замѣчу здѣсь, что туркмены, какъ степняки, отлично знакомы съ суточнымъ движеніемъ звѣздъ. Они прекрасно знаютъ Полярную, считаютъ ее неподвижною и называютъ ее Темиръ-Казыкъ, что значитъ желѣзный колъ, затѣмъ сказаніе ихъ говоритъ такъ: къ этому желѣзному колу привязаны 2 лошади—Акъ-бузатъ и Кекъ-бузатъ (бѣлая и буланая лошади) двѣ яркія звѣзды Малой Медвѣдицы β и γ ; а 7 братьевъ разбойниковъ (7 яркихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы) хотятъ украсть этихъ 2-хъ лошадей, но это имъ не удастся—такъ крѣпко тѣ привязаны къ желѣзному колу. Оригинальная фантазія, созданная народомъ-хищникомъ. Мы шли подъ конецъ дороги, но къ счастью мѣсто было вездѣ одинаково ровное, безъ малѣйшихъ препятствій. Ночь была глубокая, чувствовался даже предразсвѣтный холодокъ, а мы все шли и въ упоръ наткнулись на Серахсъ.

Какъ вѣрно дано было значить направленіе! На крѣпостныхъ стѣнахъ замелькали огни, послышались крики. Тогда только, вглядываясь въ пространство передъ собою, я сталъ отличать неопредѣленную темную массу, еще болѣе темную, чѣмъ была сама ночь. Я подѣхалъ съ переводчикомъ ближе къ стѣнѣ въ направленіи къ виднѣвшемуся на верху фонарю; оттуда послышались крики, чтобы мы не подѣзжали близко, а то будутъ стрѣлять; я остановился, а переводчикъ подѣхалъ ближе. Переговоры ни къ чему не привели, въ крѣпости полагали, что пришли туркмены, чтобы ограбить. Что было дѣлать? Я призвалъ Сердара на совѣтъ и предложилъ ему отойти отъ крѣпости и ждать разсвѣта, до котораго оставалось очень не долго; но Сердаръ, старый степной волкъ, сказалъ, что этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать—что персіане сами нападутъ, рассчитывая на нашу слабость, что, напротивъ, нужно подойти къ воротамъ и начать переговоры. Мы такъ и сдѣлали. Все населеніе крѣпости было на ногахъ. Сквозь большія предольныя щели массивныхъ воротъ видны были сарбазы, заряжавшіе съ дула свои ружья. Сверху, изъ выступа стѣны на насъ глядѣло нѣсколько паръ глазъ, и оттуда кричали: „пришли на алламанъ“, т. е. пришли грабить—они видѣли папахи туркменъ и казаковъ и убѣждались въ своемъ предположеніи. Ворота не отпирали, говорили, что отпереть сами они не могутъ или, вѣрнѣе, не имѣютъ права, что сартицъ въ Мешедѣ, а сынъ его въ банѣ. Наконецъ

убѣдились, вѣроятно, что страхи ихъ были напрасны, отворили ворота и провели меня въ какое-то помѣшеніе.

Настало утро. Я былъ помѣщенъ въ какой-то глиняной полуоткрытой постройкѣ, устланной коврами. Вблизи была крѣпостная стѣна, именно одинъ изъ исходящихъ угловъ ея.

Явился сынъ сартипа, человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, и очень любезный. Послѣ всякихъ ненужныхъ разговоровъ, которые однако считаются обязательными, въ родѣ освѣдомленія о моемъ здоровьѣ, онъ предложилъ мнѣ взойти на барбетъ въ исходящемъ углу, гдѣ открыто стояло мѣдное орудіе, примѣрно 4-хъ ф. калибра; продѣланы были приемы заряжанія орудія артистически, въ особенности прекрасно дѣйствовалъ номеръ съ банникомъ. Орудіе заряжалось съ дула; помѣстили на мѣсто зарядъ и снарядъ и выстрѣлили передъ собою; въ общемъ, конечно, это было не особенно смертоносное орудіе, но даже и такихъ орудій было немного на вооруженіи Серахса. Не успѣли мы возвратиться назадъ, какъ насъ привѣтствовалъ хоръ трубачей, но я плохой цѣнитель музыки и былъ не въ состояніи отнестись къ разыгрываемому произведенію съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживало; помню, что я былъ очень радъ, когда трубачи ушли.

Серахсъ, какъ крѣпость, имѣлъ ничтожное значеніе, развѣ только какъ оплотъ противъ туркменъ; стѣны изъ сбитой глины, толщиною до сажени, могли быть совершенно срыты 9 фун. старыми орудіями, передъ стѣною, кажется, не было даже рва, а стѣна въ планѣ представляла рядъ входящихъ и исходящихъ частей; съ внутренней стороны шелъ непрерывный банкетъ.

Окрестные туркмены держали Серахсъ въ постоянной осадѣ—отобьютъ у сартипа стадо барановъ, а потомъ ему же и продадутъ ихъ. Защитники Серахса, сарбазы, вызывали во мнѣ преимущественное чувство жалости; я зналъ, что эти люди были оторваны отъ далекой родины и заброшены въ постылый Серахсъ на томительное, безотрадное существованіе. Нерѣдко между ними попадались и старики. Днемъ бывалъ моментъ (мнѣ такъ говорили), когда весь жалкій гарнизонъ предавался куренію терьяка (опіумъ) и впадалъ въ забытье и галлюцинировалъ. Дѣйствительность была такъ жалка, а грезы были такъ прекрасны, что отъ бѣднаго сарбаза требовались нечеловѣческія усилія, чтобы противостоятъ искушенію уйти изъ этой жалкой дѣйствительности и не предаться грезамъ. Въ Серахсѣ я пробылъ 2 дня; къ вечеру перваго дня собрались въ обратный путь Ходжа-Кули-ханъ и Овасъ-Сердаръ. Вели они себя здѣсь очень скромно. Сердаръ просилъ меня, чтобы я обезпечилъ ему беспрепятственный отъѣздъ домой на Тедженъ. „Персіане плохой народъ“.

прибавлялъ онъ тихо: „видя малочисленность нашу, они на насъ нападутъ“. Я обратился къ сыну сартипа и просилъ его самого успокоить на этотъ счетъ Сердара. Разстались добромъ. Акъ-Мурать остался у меня.

Обѣ ночи я наблюдалъ; сейчасъ же послѣ наблюденій второй ночи мы вышли изъ Серакса на Мешхедъ. Меня сопровождалъ до перваго ночлега сынъ сартипа; онъ же настоялъ на выходѣ ночью, желая вѣроятно избѣгнуть дневной жары, хотя это противорѣчило и желанію моему и обыкновенію—идти днемъ и оставаться на мѣстѣ ночью.

За всѣ любезности сына сартипа, я, къ несчастію, не имѣлъ ни малѣйшей возможности чѣмъ-нибудь его отдарить: со мной не было ни одной порядочной вещи, которую можно бы было оставить ему на память. Дальнѣйшій путь пролегалъ долиною Кешефъ-руда, вѣроятно одною изъ историческихъ дорогъ; вода въ рѣкѣ солоноватая. Здѣсь лежала та полоса разграбленныхъ и покинутыхъ селъ, о которой я упоминалъ ранѣе. Ближе къ Мешхеду стали попадаться жилыя мѣста.

Переводчикъ какъ-то передалъ мнѣ, что попутные персіане спрашивали Акъ-Мурада про меня—молюсь ли я Богу? „Должно быть, что молится“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ, „я видѣлъ, какъ онъ на солнце смотреть часто“.—„А не ѣсть ли онъ змѣй?“ спросили персіане.—„Утвердительно сказать не могу, не видѣлъ“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ.

Къ Мешхеду я подходилъ часовъ въ 11.

Издали были видны зеленыя живописныя кущи садовъ, на которыхъ отдыхалъ глазъ послѣ вида желтыхъ, мертвенно-печальныхъ горъ, окаймлявшихъ долину. Надъ зеленью возвышался, блестящей яркимъ золотомъ, шаровой куполъ храма Имамъ-Ризы. Четыре гигантскія свѣчи окружали храмъ, онѣ горѣли яснымъ, колеблющимся пламенемъ, воздухъ надъ ними рѣялъ и поднимался къ небу. Видъ былъ чарующій, а впечатлѣніе отчетливо реально. Я не сомнѣваюсь, что душа правовѣрнаго должна испытывать высокое молитвенное настроеніе при видѣ этого необыкновеннаго зрѣлища. Но это были не четыре горѣвшія свѣчи, а четыре минарета съ золочеными головами, тонкіе, изящно-вытянутые вверхъ; я не могу отчетливо разобратъ въ этомъ свѣтовомъ эффектѣ. Несомнѣнно, что солнце нагрѣвало золоченые верхи минаретовъ, отъ нихъ нагрѣвался прилегающій воздухъ и колеблясь поднимался къ верху.

Въ Мешхедѣ я остановился въ домѣ нашего консула г. Насарбекова, татарина, уроженца Кавказа. Я пробылъ у него сутки, а затѣмъ перебрался за городъ и расположился въ палаткѣ: всегда и вездѣ я предпочитаю останавливаться у самого себя, т. к. здѣсь мнѣ было удобнѣе наблюдать, а главное—была возможность связаться съ

куполомъ Имамъ-Ризы. Мѣсто вокругъ храма (тутъ же находится главная торговля) считается, по словамъ Насарбекова, запретнымъ, куда немусульмане входить не могутъ. Улицы, по которымъ я проѣзжалъ, были почти пустыни, жилые дома не выходятъ на улицу, они скрыты высокими глиняными стѣнами, между которыми, какъ корридоръ, пролегаетъ улица. Незадолго до моего приѣзда прибылъ въ Мешхедъ на сотняхъ муловъ новый правитель Хоросана Сапехъ-Соляръ-садразамъ, смѣнившій брата шаха (Шахъ-Заде), человѣкъ европейски образованный, первый сановникъ Персiи, ѣздившій въ Петербургъ поздравлять отъ имени шаха Государя Александра III-го со вступленiемъ на престолъ. Кажется, что онъ попалъ въ немилость и посланъ былъ въ почетную ссылку.

Насарбековъ былъ противъ того, чтобы я представлялся Сапехъ-Соляру, а я особенно на этомъ не настаивалъ и уѣхалъ отсюда, не видѣвъ его. Спустя мѣсяць или можетъ быть два, я узналъ въ Асхабадѣ, что Сапехъ-Соляра уже нѣтъ болѣе въ живыхъ—его отравили. Было ли это дѣло муллъ, которыхъ потревожилъ Сапехъ-Соляръ, желая установить отчетность по расходу суммъ храма Имамъ-Ризы или таково было приказанiе изъ Тегерана, я не знаю. Онъ былъ отравленъ въ Келатѣ, при объѣздѣ провинцiй.

Для мусульманъ-шиитовъ Мешхедъ—святыня; паломники прибываютъ сюда издалека; всякій побывавшій въ Мешхедѣ можетъ прибавить къ своему имени названiе „Мешады“.

Невдалекѣ отъ Мешхеда находятся раскопки бирюзы на древнихъ кладбищахъ. Новая бирюза (ени маденъ) зеленовато-голубого цвѣта, плоская, очень дешева; старая бирюза (ески маденъ) темно-голубого цвѣта и высокой формы, очень дорога.

Я до сихъ поръ ни слова не сказалъ о моемъ спутникѣ офицерѣ Ставропольскаго полка Л—въ; это былъ, спокойный человѣкъ, не расположенный къ изліянiямъ, и мы дѣлали каждый свое дѣло, мѣшая другъ другу. Свою работу онъ отвезъ въ штабъ. Я не могу не сказать въ заключенiе, что успѣхомъ своей поѣздки въ Серахсъ я цѣликомъ обязанъ снисходительному ко мнѣ расположенiю и содѣйствию во всемъ командующаго войсками П. Ѡ. Рерберга.

Изъ Мешхеда я вернулся въ Мамудъ-абадъ, а затѣмъ въ Асхабадъ. Потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько рейсовъ по оазису и поѣхалъ черезъ Красноводскъ, Баку обратно въ Тифлисъ, куда прибылъ 13 декабря.

П. Гладышевъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

